

© 2000 г.

С.Ю. Сапрыкин, К. Панайотова

НАДГРОБИЕ ГЕРАКЛЕОТА ИЗ АПОЛЛОНИИ ПОНТИЙСКОЙ

В 1993 г. в окрестностях г. Созополя, в местности Калфата, возобновились раскопки некрополя древнегреческого города Аполлонии Понтийской. Они стали продолжением раскопок, проводившихся болгарскими археологами еще в конце 1940-х годов¹. Новый участок раскопок расположен приблизительно в 500 м южнее старых раскопок. С 1993 по 1998 г. здесь открыто 168 погребальных комплексов с большим количеством погребального инвентаря: украшений и разнообразной посуды, датируемых от второй половины V до начала II в. до н.э. Были обнаружены также прямоидущие каменные стены, которые замыкают собой группы погребений, сопровождавшихся обрядами, свойственными конкретной семье или роду, чьих представителей хоронили на этом участке некрополя. Некоторые могилы огорожены дугообразными стенами.

Отгораживание могил каменными стенами было известно еще в древней Греции в геометрическую и классическую эпохи. Так, в некрополе Афин прослеживаются семейные участки погребений, на стенах оград которых сооружались надгробные памятники². В 1994 г. исследовался участок некрополя Аполлонии, который с северо-северо-востока и с юга был огорожен дугообразными стенами, сооруженными из необработанных камней высотой в два-три слоя. Северная стена располагалась на 0,7 м ниже южной. У основания одной из таких дугообразных стен внутри участка была найдена четырехугольная каменная плита из местного известняка, представляющая собой надгробную стелу. Рядом лежало подножие от этой плиты, разбитое на три части. Очевидно, стела покоилась на специальном основании, на котором она крепилась с помощью особого выступа. Лежавшая лицевой поверхностью к земле стела имеет длину 54,5 см, ширину 29 см и толщину 15 см. Надгробие представляет собой обычный для Аполлонии Понтийской тип в виде правильного четырехугольника, вытесанного из известняка без каких-либо декоративных украшений (треугольного фронтона, узоров в виде киматия, всевозможных изображений и т.д.) с заглаженной лицевой поверхностью, на которой прокрашенными красной охрой буквами вырезано личное имя, патронимик или этникон умершего. Такие надгробия датируются обычно V–IV вв. до н.э. и характерны только для некрополя Аполлонии Понтийской³, так как во всех других полисах Причерноморья и в большинстве городов Средиземноморья они

¹ Аполлония на Черно море. Разкопки и проучвания. Ч. 2. София, 1948. С. 68 сл.; Аполлония. София. 1963. С. 604 сл.

² Kurtz D., Boardman J. Greek Burial Customs. L., 1971. P. 107–109. Fig. 19–20; P. 237. Fig. 48; P. 245. Fig. 53; Humphreys S. Family Tombs and Tomb Cult in Ancient Athens: Tradition or Traditionalism? // JHS. 1980. P. 105 f.; Garland R. The Greek Way of Death. L., 1985. P. 106. Fig. 23.

³ Михайлов Г. Надписи намерени в Созопол през 1946 г. // Аполлония на Черно море. Разкопки и проучвания. Ч. 2. С. 60. Бел. 1; IGBR I². Tabl. 225–236, 238–242.

Рис. 3. Южная стена некрополя. Вид с юго-востока

имеют совершенно иную форму, отличаясь более сложным декором⁴. Высота букв надписи на надгробии колеблется от 2,5–2,7 см до 3 см (рис. 1, 2). Имя, отчество и этникон умершего читаются отчетливо:

Θέων
Ἀριστάνδρο
Ἡρακλειώτας

Перевод: «Теон, сын Аристандра, гераклеот».

Надгробие Теона, сына Аристандра, находилось у основания южной стены (рис. 3) на глубине 1,25 м. В радиусе 1,5–2 м, но глубже, были обнаружены две могилы. Могилу № 66 открыли на глубине 1,95 м северо-западнее места находки плиты. Это было захоронение ребенка, по-видимому девочки, в возрасте около 10 лет. В ее могиле лежали лекиф, украшенный красной пальметтой, весьма плохой сохранности терракотовые фигурки сидящей богини и возлежащего мужчины, фигурка вепря (рис. 4) и бронзовое зеркало. По характеру инвентаря погребение может быть датировано не ранее второй четверти–середины IV в. до н.э. Северо-восточнее от места находки надгробной стелы гераклеота на глубине 2,4 м находилась могила № 67, в которой был похоронен мужчина в возрасте приблизительно 35–50 лет (антропологический анализ костных останков выполнен д-ром Энн Кинлейсайд) в вытянутом положении головой на восток по общему обряду эллинского погребального ритуала. К сожалению,

⁴ Kieseritzky G., Watzinger C. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. В., 1909; Иванова А.П. Скульптура и живопись Боспора. Киев, 1981. С. 118 сл.; Ivanowa A. Das Grabrelief von Bosphorus und Chersones // Klio. 1962. S. 88–101; Pfuhl E., Möbius H. Die ostgriechischen Grabreliefs. Bd I–II. Mainz, 1977; Давыдова Л.И. Боспорские надгробные рельефы V в. до н.э. – III в. н.э. Л., 1980. Кат. 1–58.

Рис. 4. Терракотовая фигурка вепря из погребения 66

погребальный инвентарь данного захоронения состоял только из одного костяного предмета кольцеобразной формы неясного назначения, находившегося у левой тазобедренной кости. По стратиграфическим наблюдениям это погребение можно датировать первой четвертью IV в. до н.э.

На другом участке, огороженном с северо-востока (рис. 5), были обнаружены четыре грунтовых могилы № 26, 39, 41, 64, которые, судя по сопутствующему инвентарю, следует отнести к середине – второй половине IV в. до н.э. Могила № 63 расположена на древней стене, а могила № 25 в нее вклинивается. Оба погребения совершены в одно время: в середине – третьей четверти IV в. до н.э., а в качестве погребального инвентаря их сопровождают краснофигурные расписные лекифы, датируемые 360–340 гг. до н.э. Все захоронения на рассматриваемом участке грунтовые, ингумационные, ориентированные на восток. К сожалению, участок полностью не раскопан, поскольку его западная часть перекрыта современным шоссе. Исходя из местонахождения, половозрастной характеристики и погребального инвентаря можно предположить, что гераклеот Теон, сын Аристандра, мог быть похоронен в могиле № 67.

Археологические данные показывают, что в начале – первой половине IV в. до н.э. на этом месте уже хоронили усопших одной группы или семьи, огорожив участок каменной стеной. К этому времени относятся могилы № 66 и 67. Песчаные почвы и передвижение дюн способствовали быстрому засыпанию песком стены около середины IV в. до н.э., после чего стали хоронить усопших сверху, огораживая насыпь с юго-востока и опрокинув стоявшее над могилой № 67 надгробие. Еще в конце 1940-х годов при раскопках некрополя было обнаружено овальное каменное ограждение, которое обрамляло место захоронения членов одной семьи, где в последней четверти V – первой половине и середине IV в. до н.э. были последовательно совершены три погребения⁵. По мнению И. Венедикова, эта стена перестала выполнять свои функции в середине IV в. до н.э., так как была засыпана песком и ее вскоре забросили. Аналогичную картину дает расписная надгробная стела, найденная по соседству со стеной⁶.

⁵ Венедиков И. Расположение на некрополя и организация на раскопките през 1947–1949 гг. // Аполония. С. 35. Обр. 20.

⁶ Венедиков И., Велков В. Надгробни плочи от некрополя из Аполония // Аполония. С. 329. № 1161. Подробнее о раскопках некрополя Аполлонии Понтийской за последние годы и обстоятельствах обнаружения надгробной стелы гераклеота Теона см. Panayotova K. Apollonia Pontica: Recent Discoveries in the Necropolis // The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Stuttgart, 1998. P. 98 ff.

Рис. 5. Северо-восточная стена некрополя Аполлонии. Вид с северо-востока

Как видно из надписи, надгробие принадлежит выходцу из причерноморского города Гераклеи Понтийской, очевидно, переселившемуся на западное побережье Черного моря и умершему в Аполлонии Понтийской – не в дорийском, как Гераклея, а ионийском полисе. По форме плиты, характеру шрифта надписи (прямые ровные буквы, чуть укороченная правая гаста *ню*, широкий *омикрон*, небольшие усики *омеги*, прямая поперечная гаста *альфы*, точечная *тета*), а самое главное, по окончанию родительного падежа патронимика на *-о* вместо *-ов*, свойственному надписям классической эпохи как минимум до середины – второй половины IV в. до н.э.⁷, постановку стелы можно уверенно отнести к первой половине IV в. до н.э. К лингвистическим особенностям надписи следует причислить обозначение места рождения усопшего Ἡρακλειώτας в дорийской огласовке на *-ας*. Ближайшую аналогию такому написанию дает надгробная надпись из боспорского города Нимфея IV в. до н.э., в которой можно заметить чередование ионийского и дорийского диалектов: $\text{Πύρρος Εὐρυόμοιο Ἡρακλειώτας}$ (CIRB. 923). У греческих авторов, писавших на аттическом диалекте или на койне, слово Ἡρακλειώτας имеет форму Ἡρακλειώτης или Ἡρακλεώτης ⁸. В многочисленных надписях из Эгеиды и Причерноморья написание этника также дано в форме Ἡρακλεώτης , однако большая часть надписей датируется IV в. до н.э., эллинистической и римской эпохами⁹. Это означает, что наша надпись поставлена еще до того, как койне получило распространение в эллинском мире в последней четверти IV в.

⁷ Thumb A., Scherer A. Handbuch der griechischen Dialekte. Bd II. Heidelberg, 1959. S. 252; Gartchen P., Hoffman O. Die Sprache der ionischen Inschriften // Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften. Bd IV. Ht 2. Abt. 2. Göttingen, 1914. S. 906, 933.

⁸ Meisterhans K. Grammatik der attischen Inschriften. Aufl. 3. B., 1990. S. 43; Comm. ad CIRB. 923. P. 513.

⁹ См., например, последнюю сводку по Аттике: Osborne M.J., Byrne S.G. The Foreign Residents of Athens. Lovanii, 1996. P. 72–98.

до н.э., а присутствие элементов дорийского диалекта в милетской колонии Аполлонии Понтийской свидетельствует, по всей видимости, о том, что текст надписи могли заказать резчику родственники Теона и он был вырезан в таком написании. То же, вероятно, относится и к надгробию из недорийского Нимфея. Все это говорит в пользу предложенной выше датировки надгробия концом V или первой половиной IV в. до н.э., поскольку любая более поздняя дата непременно предполагала бы написание происхождения умершего в форме 'Hρακλειώτης. Следовательно, надгробие и надпись из Аполлонии являются едва ли не самыми ранними свидетельствами присутствия выходцев из Гераклеи Понтийской в других греческих полисах. Это новое подтверждение тесных и оживленных отношений Гераклеи с западнопонтийскими городами в конце V – начале IV в. до н.э., когда гераклеот Теон, сын Аристандра, оказался на побережье Фракии в Аполлонии Понтийской.

Личное имя Теон, совсем не редкое для эллинского мира, встречается в Причерноморье не так уж часто. Оно засвидетельствовано на Боспоре в Танаисе (CIRB. 1287: Θέων Φαζιλιάμου, филагаф, 244 г.н.э.; CIRB. 1288: [Θέων Φαζιλιάμ?]ου или [Φαζιλιάμ]ου, филагаф, III в.н.э., может быть, одно и то же лицо), в Синопе – среди владельцев керамических эргастериев в III–II вв. до н.э.¹⁰ Это же имя встречается в Афинах с начала IV в. до н.э. и по II в. н.э.¹¹ Однако больше всего его носителей в Киренаике и на островах Эгеиды: Астипалее, Хиосе, Крите, Кипре, Делосе, Эвбее (в Эретрии), Икаросе, Косе, Нисиросе, Паросе, Самосе, Фере, Фасосе, Самофракии, особенно широко на Родосе, – и везде с IV в. до н.э. вплоть до римской эпохи¹². Ареал его распространения в материковой Греции вообще довольно широк: это Ахайя, где оно отмечено три раза в III в. до н.э., один раз – в Этолии в Калидоне в IV в. до н.э., три раза засвидетельствовано такое имя в Акарнании в IV–II вв. до н.э., один раз – в Арголиде во II–I вв. до н.э., девять раз – в Аркадии в III–II вв. до н.э., один раз – в Кефалении в III в. до н.э., семь раз – в Лаконике, в том числе в Спарте пять раз, причем здесь это имя зафиксировано исключительно в I в. до н.э. – III в. н.э., а в Мессении (Мессене) дважды: в I в. до н.э. – I в. н.э. и во II в. н.э. В Южной Италии подобное личное имя пять раз засвидетельствовано в Локрах Эпизефирских в IV–III вв. до н.э., один раз в Кампании – только в римскую эпоху, один раз в Лукании – на рубеже II–I вв. до н.э., еще один раз оно обнаружено на амфоре III–II вв. до н.э. В Сицилии оно было довольно распространено – известны шесть жителей с таким именем в Сиракузах, Моргантине и Камарине с V в. до н.э. и вплоть до эллинистической эпохи¹³. Для нашего исследования особенно знаменательно, что имя Теон обнаружено в Беотии (SIG. 3198) и, в частности, в Фивах (SIG. 225), поскольку Гераклея Понтийская, помимо мегарян, была основана также выходцами из Беотии и Фессалии¹⁴. На востоке эллинского мира означенное личное имя находим в Александрии Египетской, Сидоне, Смирне, Антиохии, Тихоре, Локриде, Милете, Платеях в IV–I вв. до н.э.¹⁵ Как указывают В. Папе и Г. Бензелер, это в своей основе теофорное имя использовали, как правило, для того, чтобы называть им тех лиц, которые занимались

¹⁰ Придик Е.М. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах эрмитажного собрания. Пг., 1917. № 307; Граков Б.Н. Древне-греческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929. С. 203.

¹¹ Osborne M.J., Byrne S.G. A Lexicon of Greek Personal Names. V. 2. Oxf., 1994. P. 225.

¹² Fraser P.M., Matthews E. A Lexicon of Greek Personal Names. V. 1. Oxf., 1987. P. 224.

¹³ Ibid. V. 3A. Oxf., 1997. P. 209.

¹⁴ Об этом имени в Беотии см. Pape W., Benseler G. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Bd I. Aufl. 3. B., 1911. s.v. Theon; об основании Гераклеи Понтийской см. Burstein S.M. Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea. Berkeley–Los Angeles, 1976. P. 16–18; Saprykin S.J. Heracleia Pontica and Tauric Chersonesus before Roman Domination. Amsterdam, 1997. P. 40.

¹⁵ Pape, Benseler. Op. cit. s.v.; Münsterberg R. Die Beamtennamen auf den griechischen Münzen. Hildesheim, 1973. Index. S. 20. (Самофракия, Эрифры); Osborne, Byrne. The Foreign Residents... № 360 (Александрия, III–II вв. до н.э.), № 850 (Антиохия, III–II вв. до н.э.), № 3355 (Локрида, 300 г. до н.э.), № 4852, 4853 (Милет, II–I вв. до н.э.), № 6105 (Платеи, IV в. до н.э.).

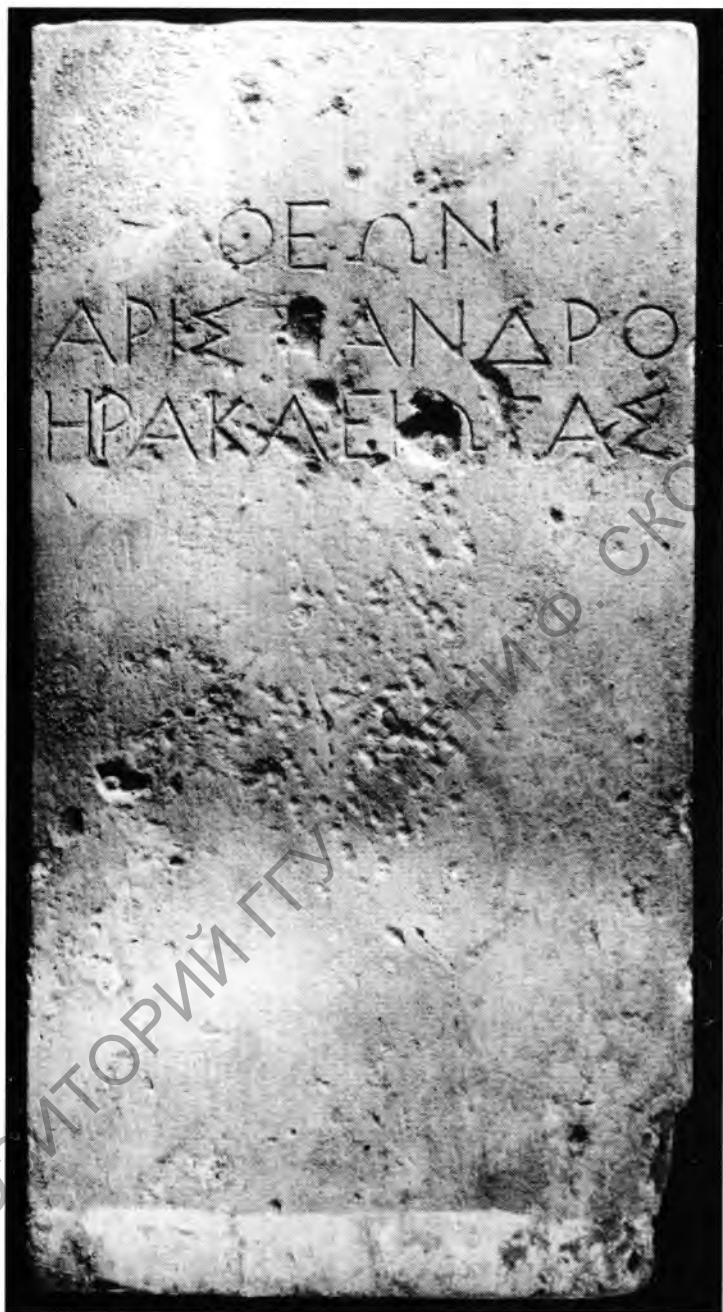

Рис. 1. Надгробная плита гераклеота Теона, сына Аристандра. Аполлония Понтийская. Раскопки 1994 г.

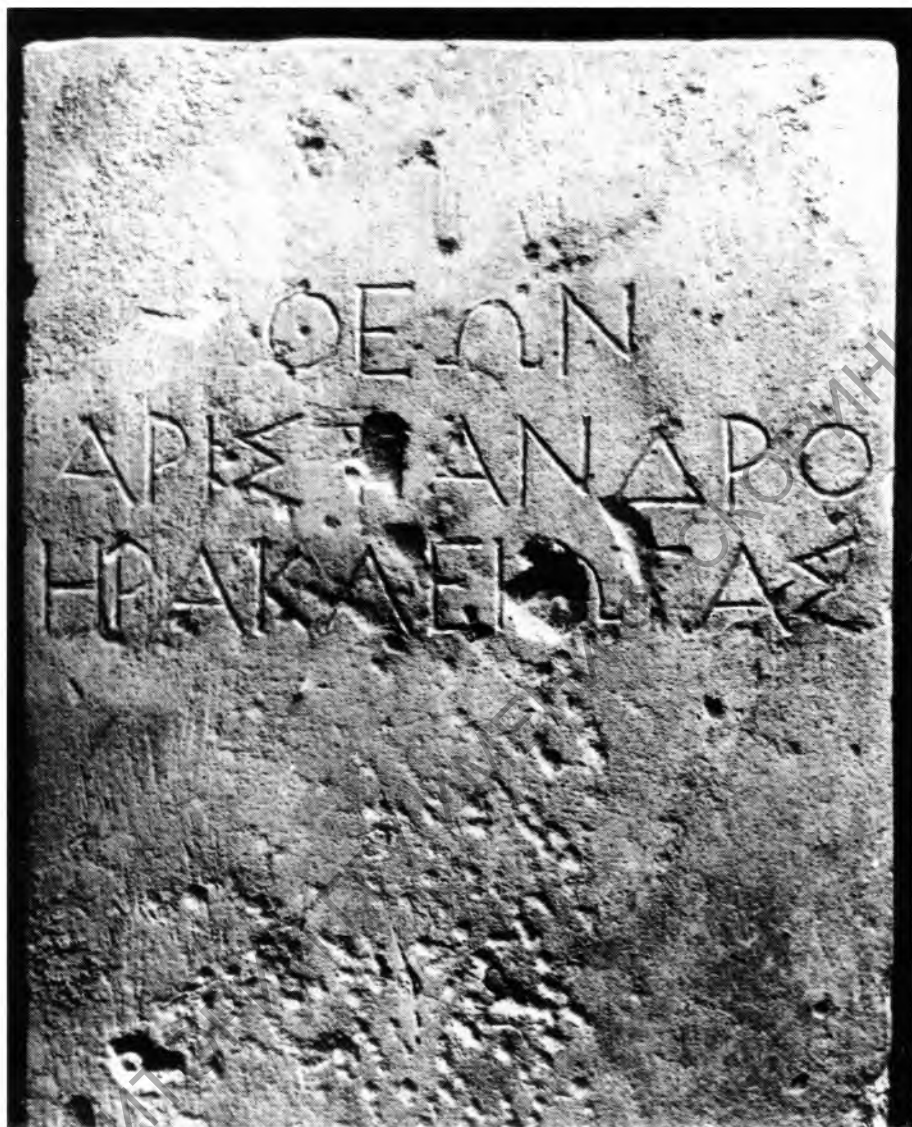

Рис. 2. Надгробие гераклеота Теона, сына Аристандра. Аполлония Понтийская (увеличено)

философией, науками, врачеванием и различными другими интеллектуальными занятиями, чтобы «подчеркнуть образовательный уровень семьи»¹⁶. Любопытно, что обладателем такого имени был даже фракийский наемник (ок. 300 г. до н.э.)¹⁷. Что до собственно мегарских колоний, то ни в самой Гераклее Понтийской¹⁸, ни в ее апоикиях Каллатисе и Херсонесе Таврическом данное имя пока не засвидетельствовано, хотя полной сводки надписей из Каллатиса мы пока еще не имеем. В мегаро-дорийской зоне колонизации Причерноморья и Пропонтиды оно встречено только в Византии (ID. 2593. Стк. 42–144/143 г. до н.э.)¹⁹.

Не менее обширна география распространения личного имени Аристандр. В Причерноморье это: 1) Аристандр, сын Мелисса, из Орхомена в Аркадии, получивший проксию в Ольвии в первой половине IV в. до н.э. (НО, 4); 2) Аристандр, сын Аристоксена, эфебарх, похороненный в Амастрии в римское время (III в. н.э.), где ему был поставлен мраморный погребальный алтарь с надгробной эпитафией, занимавший на родине магистратскую должность и воздвигший в гимнасии бронзовую статую Геракла²⁰. По поводу атрибуции родины Аристандра существуют два варианта: поскольку алтарь найден в местечке Yeniceköy (Cide), что к западу от Гидеруза (древнего Китора), то упоминание в тексте эпитафии ο ἡ Δώροτο πόλις должно указывать, по мнению Л. Робера, на Китор как место рождения Аристандра. Так как в результате синоикизма с Кромнами и Сезамом Китор в 301/300 г. до н.э. был преобразован в Амастрию и в течение ряда десятилетий подчинялся Гераклее Понтийской, выступавшей как бы метрополией новооснованной общины, то обозначение его в эпитафии как «город Дора» вполне согласуется с тем, что он мог находиться под сильным дорийским влиянием и считаться одной из колоний Гераклеи Понтийской. Городок этот мог во II в. н.э. отделиться от Амастрии и существовать, имея собственные магистратские структуры и гимнасий²¹.

Против такого предположения вполне убедительно выступил К. Марек. Он указал, что функционирование гимнасия в таком небольшом эмпории, каким даже в римское время, согласно периплам, был Китор, вызывает большое недоумение, к тому же нет никаких свидетельств о том, что Китор вышел из состава Амастрии в римскую эпоху и превратился в самостоятельный полис²². По мнению Марек, текст эпитафии не позволяет интерпретировать его в том смысле, что родина Аристандра находилась там, где был обнаружен алтарь, тем более, что Китор никогда не был колонией Гераклеи Понтийской, а изначально считался эмпорием Синопы, т.е. это город не дорийского, а ионийского происхождения²³. Следовательно, родиной Аристандра, сына Аристоксена, могла быть только Гераклея Понтийская, где тот был эфебархом и в гимнасии которой поставил статую Геракла, покровителя города и проводившихся там ежегодно агонев, за что и удостоился почестей от местной гражданской общины. Похоронен же он был на чужбине, а все, кто посещал его могилу, должны были хорошо представлять себе, что подразумевалось под «городом Дора» в его надгробной эпитафии, поскольку и Китор, и Амастрия исторически тесно связаны с Гераклеей Понтийской.

¹⁶ Pape, Benseler. Op. cit. s.v.

¹⁷ Osborne, Byrne. The Foreign Residents... № 2540.

¹⁸ См. Ameling W. Prosopographia Heraclaeotica // Lloyd Jones. The Inscriptions of Heraclea Pontica (IK 47). Bonn, 1994. S. 143.

¹⁹ Loukopoulou L.D. Contribution à l'histoire de la Thrace Propontique. Athènes, 1989. P. 262, 263.

²⁰ Peek W. Griechische Vers-Inschriften. B., 1955. № 788; Marek K. Stadt, Ära und Territorium in Pontus-Bithynia und Nord-Galatia. Tübingen, 1993. S. 186. № 114; Ameling. Op. cit. S. 126.

²¹ Kalinka E. Aus Bithynien und Umgegend // JÖAI. 1933. XXVIII. Beibl. 59–60. № 15; Robert L. Études anatoliennes. P., 1970. P. 263. Not. 1; idem. À travers l'Asie Mineure. P., 1980. P. 414.

²² Эту точку зрения высказал в свое время еще Ф. Билябель (Bilabel F. Die ionische Kolonisation. Lpz., 1920. S. 41).

²³ Marek. Op. cit. S. 17, 18; об ионийском происхождении Китора см. Strabo. XII. 3.10; Ps.-Skyl. 90; Arr. PPE. 20; подробнее см. Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien. Frankfurt–Bern–New York, 1983. S. 54 ff.; Максимова М.И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.–Л., 1956. С. 73.

Объяснение данной эпитафии К. Марекон кажется нам наиболее убедительным. Если все то, что им высказано по этому поводу, соответствует действительности, то мы имеем тогда документально засвидетельствованное в самой Гераклее и ее окрестностях личное имя Аристандр, аналогичное имени отца Теона – гераклеота, похороненного в Аполлонии Понтийской. При том, что это личное имя – вообще весьма редкое для Причерноморья, его двоекратно зафиксированное употребление в ономастиконе Гераклеи Понтийской должно подтверждать предположение, что на южном побережье Понта оно могло появиться с переселенцами из материковой Греции еще при основании этой мегаро-беотийской колонии ок. 550 г. до н.э.

По сравнению с Причерноморьем в самой Элладе именем Аристандр называли значительно чаще: в Эгеиде, например, оно отмечено на Крите в 116/115 г. до н.э., четырехжды – в Кирене с IV в. до н.э. вплоть до III в. н.э., дважды – на Делосе во II–I вв. до н.э., на Эвбее – дважды в Эретрии в IV–III вв. до н.э. и один раз в Гистиее-Оросе в середине III в. до н.э., семь раз на Косе в IV–II вв. до н.э., дважды на Лесбосе – в Антиссе во II в. до н.э. и Митилене в I в. до н.э. – I в. н.э., трижды – на Наксосе во II–III вв. н.э. дважды – на Паросе в IV в. до н.э. и в 88 г. до н.э., где оно принадлежало выходцам из одной семьи, среди которых были скульпторы (один из них, Аристандр, изваял персонифицированный образ Спарты в фигуре женщины с лирой и нарисовал треножник в Амиклах – см. Paus. III.18.8)²⁴; один раз данное имя отмечено на Теносе в III в. до н.э., трижды – на Гелосе во II–I вв. до н.э., однако чаще всего им называли жителей Родоса (как и личным именем Теон – см. выше) – семь раз в III–I вв. до н.э., по девять раз – в Линдосе в III–I вв. до н.э. и Камиросе в III–II вв. до н.э.²⁵ В Афинах означенное имя засвидетельствовано 20 раз с V в. до н.э. до II–I вв. до н.э., причем пик его распространения приходится на IV век до н.э.²⁶ В других областях материковой Греции имя Аристандр дважды засвидетельствовано в Ахайе в III в. до н.э. и на Эгине в III–I вв. до н.э., один раз – в Этолии в III–II вв. до н.э., один раз в Акарнании во II в. до н.э., семь раз – в Арголиде в V–II вв. до н.э., семь раз – в Аркадии в IV–II/I вв. до н.э., один раз – в Элиде в середине IV в. до н.э., по одному разу – на Керкире, в Иллирии (Диррахии) и Трифилии (Пирги) в III–I вв. до н.э., а в Спарте оно встречено шесть раз и только во II–I вв. до н.э.²⁷ Означенное имя мы можем найти также в Олинфе, Фасилиде, Телмессе, Мегалополе, Магнесии на Меандре, Перинфе, Кимах, Стратоникее Карийской, Инианах и, что особенно важно, в Беотии в Орхомене (SIG. 1569 V)²⁸. Последнее обстоятельство знаменательно тем, что именно из Беотии, как и в случае с вышеупомянутым именем Теон, имя Аристандр могло попасть в Гераклею Понтийскую с одним из первых колонистов, прибывших вместе с мегарянами и фессалийцами. Это подтверждается редкостью обоих имен в Причерноморье. Мы не будем, вероятно, далеки от истины, если выскажем предположение, что предки гераклеота Теона, сына Аристандра, могли быть выходцами из Беотии, где оба этих имени засвидетельствованы надписями. Данные имена в греческом мире чаще всего встречаются в V–IV вв. до н.э. и в эпоху эллинизма (III–I вв. до н.э.) и реже всего – в римское время. Это косвенно доказывает правильность датировки надгробной плиты из Аполлонии самым концом V – началом IV в. до н.э.

Теперь важно установить, каким образом выходец из Гераклеи Понтийской (представитель именно этого города, а не какого-нибудь из многочисленных одноименных

²⁴ Bechtel. Op. cit. S. 49, 69; Pape, Benseler. Op. cit. s.v. Aristandros.

²⁵ Fraser, Matthews. A Lexicon... V. 1. P. 60 f.; cp. Münsterberg. Op. cit. Index. S. 185.

²⁶ Osborne, Byrne. A Lexicon... V. 2. P. 51.

²⁷ Fraser, Matthews. A Lexicon... V. 3A. P. 55; см. также Pape, Benseler. Op. cit. s.v.; Münsterberg. Op. cit. S. 35. Index. S. 185.

²⁸ Pape, Benseler. Op. cit. s.v. (Мегалополь – Paus. VIII.30.10; Телмесс – Plut. Alex. II. 52; Diod. XVII. 17); Osborne, Byrne. The Foreign Residents... P. 148. № 3424 (Магнесия на Меандре, III в. до н.э.). P. 248. № 5884 (Олинф, IV в. до н.э.); P. 312. № 7215 (Фасилида, IV в. до н.э.); Loukopoulou. Op. cit. P. 304 (Перинф, II–I вв. до н.э.); Münsterberg. Op. cit. Index. S. 185 (Кимы, Стратоникей Карийская), 35 (Инианы).

полисов, что подтверждается полным отсутствием имен их граждан в понтийском регионе) попал на западный берег Черного моря в ионийскую Аполлонию? В свое время один из авторов этой статьи сделал подборку эпиграфических свидетельств о выходцах из Гераклеи Понтийской в других областях эллинского мира. Сейчас эта сводка существенно пополнилась новыми данными, собранными М. Осборном, С. Бирном и В. Амелингом. Следует принять во внимание, что большая часть надписей с упоминанием гераклеотов в Левобережном Понте относится к римскому времени, при этом чаще всего они проживали в Одессосе: Посидий, сын Дионисия (IGBR. I². 110 bis), Адус, сын Гераклеона (IGBR. I². 112), Дионисий, сын Демосфена (IGBR. I². 139), Хресте, дочь Хрисона (IGBR. I². 144), Зосимий и Менандр (IGBR. I². 223). В Мессембрии окончил свои дни Дионисий, сын Апеллы (IGBR. I². 343 bis = V. Velkov, Nesebre. I. Sofia, 1969. № 27). В Истрии в III в. н.э. был похоронен Диомед, сын Диомеда (ISM. I. 310 = SEG.27.377). В Каллатисе обнаружены два надгробия гераклеотов римского времени – одно из них принадлежит Эвандру, сыну Фронтону (II в. н.э.)²⁹, а также декрет I в. н.э. в честь Аристана, сына Аристана, который оказывал услуги прибывавшим в город гражданам Гераклеи Понтийской³⁰. В соседних Томах в одной латинской надписи упоминается гераклеот Г. Аврелий Александр, связанный с коллегией почитателей Хероса и Дианы (AEM. 1884. VIII. 7 = ILS.4069); там же обнаружен декрет, принятый гражданами Гераклеи Понтийской в честь заместника провинции Нижняя Мезия в 155–161 гг. н.э. Т. Флавия Лонгина Квинта Марция Турбона, эпимелета гераклеотов (AEM. 1884. VIII. 60 = IGBR. I².622). Таким образом, новонайденное надгробие из Аполлонии Понтийской является древнейшим из всех памятников Западного Причерноморья, связанных с Гераклеей Понтийской, и первым надгробием гераклеота в этом полисе.

По времени этой надгробной стеле близки памятники из Северного Причерноморья. Из Пантикапея происходит надгробие первой половины III в. до н.э. гераклеотки Мирсины (КБН, 246), а из Нимфея – два надгробия IV в. до н.э.: Пирра, сына Эвринома (КБН, 923), и неизвестной по имени гераклеотки (КБН, 925). Надгробная плита гераклеотки Микки, дочери Гокона, жены Кокка, найдена в Горгиипии и датируется концом IV – началом III в. до н.э. (КБН, 1193)³¹. В Ольвии в V и IV вв. до н.э. были приняты проксенические декреты в честь гераклеотов – некоего неизвестного по имени, сына...дора (СА. 1963. № 3. С. 191 = НО.2), и Теофана и Аристиса, сыновей Феопропа (СА. 1958. XXVIII. С. 238 = НО.6). Все эти надписи, датируемые концом V–III вв. до н.э., свидетельствуют о тесных контактах Гераклеи с северным побережьем Понта Эвксинского в классическую и раннеэллинистическую эпохи в связи с основанием Херсонеса Таврического³². В самом Херсонесе также имеется ряд надписей, относящихся к Гераклее Понтийской, однако они датируются либо рубежом I в. до н.э. – I в.н.э., либо II в.н.э. (см. IOSPE I². 357, 359, 362, 544, 545; ВДИ. 1960. № 3. С. 156 сл.)³³.

Из областей материковой и островной Греции самое большое число гераклеотов проживало в Афинах и на Делосе. Пик гераклейской эмиграции в Аттику приходится на II–I вв. до н.э., хотя, согласно последним данным М. Осборна и С. Бирна, выходцы из Гераклеи на Понте начали попадать в Афины еще в V–III вв. до н.э.³⁴ На Делосе

²⁹ АЕМ. 1887. XI. 138; 1891. XIV. 89; Robert J. et L. Bull. épigr. 1962. P. 225; Pfuhl, Möbius. Op. cit. № 2111; Ameling. Op. cit. S. 136.

³⁰ Sauciuc-Saveanu T. Ariston, Aristons Sohn, aus Kallatis // Dacia. 1958. n.s. 2. S. 219. Abb. 5.

³¹ У В. Амелинга ошибочно указано, что это надгробие происходит из Танаиса (Op. cit. S. 152).

³² Об этом подробно см. Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический в VI–I вв. до н.э. М., 1986. С. 55 сл.; Сапрыкин. Op. cit. P. 59–62.

³³ Подробную сводку о гераклеотах в Причерноморье см. Сапрыкин. Гераклея Понтийская... С. 225–227; Сапрыкин. Op. cit. P. 288 f.; Ameling. Op. cit. S. 121–168.

³⁴ Следует учитывать, что в общем количестве гераклеотов в Аттике какая-то доля переселенцев могла приходиться на одноименные Гераклее Понтийской полисы в Элладе и Малой Азии, см. Ferguson W. Hellenistic Athens. L., 1911. P. 316; 81 имя для эпохи эллинизма, 72 имени для римской эпохи:

переселенцы из Гераклеи оказывались также преимущественно во II в. до н.э.³⁵ Это свидетельствует о том, что переселение гераклеотов с Понта происходило почти постоянно, то усиливаясь, как в конце V – начале IV в. до н.э., то затихая, как в III в. до н.э., то снова усиливаясь, как во II в. до н.э. – I в. н.э. В римскую эпоху всплеск поиска нового места жительства у гераклеотов пришелся на II–III вв. н.э. В классическую эпоху гераклеийские переселенцы обычно устремлялись в припонтийские города и Афины, что было связано с ростом торговли Гераклеи в конце V–IV в. до н.э. и с той посреднической ролью, которую она играла в торговых контактах между греческими полисами и варварскими племенами Причерноморья и Эгейдой, преимущественно Афинами. В позднеэллинистическую эпоху основной поток эмигрантов направлялся уже в Восточное Средиземноморье, прежде всего в Афины и на связанный с ними тесными узами остров Делос, что стало результатом сокращения объема понтийской торговли и стремлением Гераклеи найти новых партнеров и союзников в Средиземноморье³⁶. В римскую эпоху Гераклея Понтийская вновь испытала очередной подъем своей экономики, что предоставило ей возможность возвыситься и политически – стать неокорой, т.е. храмоблестительницей императорского культа, и получить статус «метрополии городов Понта», союза греческих полисов римской провинции Вифиния-Понт³⁷. В результате этого усилились связи с другими причерноморскими полисами, особенно с Херсонесом Таврическим, ее колонией в Крыму. Это выразилось в появлении серии проксений, данных херсонесской общиной гераклеотам, в хлопотах бывшей метрополии за свою колонию перед императором о предоставлении ей свободы от власти боспорских царей. Эти действия стали причиной появления специального херсонесского почетного декрета в честь «отцов гераклеотов» и, возможно, возрождения права исополитии между двумя полисами³⁸. Укрепились контакты и с другими городами Причерноморья – Истрией, Одессосом, Месембрией, Каллатисом, Томами, Ольвией, что отчетливо прослеживается по надписям римского времени. Интересно, что в Аполлонии Понтийской в римскую эпоху не засвидетельствовано ни одного выходца из Гераклеи. И только публикуемое надгробие говорит о связях между двумя городами в классический период, по крайней мере в конце V – первой половине IV в. до н.э. В то же время в других западнопонтийских городах не встречено ни одного надгробия или декрета, которые говорили бы об отношениях с Гераклеей Понтийской в классический и эллинистический периоды. Это обстоятельство должно отражать основные направления гераклеийской торговой активности в конце V – первой половине IV в. до н.э., в эллинистическое и римское время.

В конце V – первой половине IV в. до н.э. гераклеийский импорт был ориентирован в основном на страны Причерноморья с целью вывоза оттуда сельскохозяйственной продукции в Афины и другие ведущие центры Восточного Средиземноморья. При этом гераклеийские торговцы старались использовать в основном рынки Боспора, в меньшей степени Ольвии, хотя именно там найдена одна из древнейших проксений, данных гражданам Гераклеи (см. выше). После поражения от боспорских тиранов Сатира I и Левкона I в войне за Феодосию и влияние в других городах Боспора в

Rostowtzeff M. J. The Social and Economic History of the Hellenistic World. V. 3. Oxf., 1941. P. 1455. Not. 354: 101 и 81 имя соответственно; Pope H. Foreigners in Attic Inscriptions. Philadelphia, 1947. P. 53–57: 24 и 17 соответственно (только выходцы из Гераклеи Понтийской); Osborne, Byrne. The Foreign Residents... P. 72–98. № 1679–2296; ср. Saprykin. Op. cit. P. 290.

³⁵ Robert J. et L. Bull. épigr. 1963. № 35; 1965. № 61; 1968. № 601; Delos. 1974. XXX. P. 155, 156; Saprykin. Op. cit. P. 291.

³⁶ Saprykin. Гераклея Понтийская... С. 229 сл.; Saprykin. Op. cit. P. 292 ff.; Биттнер А. Выбор между Сциллой и Харибдой: Гераклея Понтийская в борьбе Рима с Митридатом VI // Античный мир. Проблемы истории и культуры. СПб., 1998. С. 237 сл.

³⁷ Robert. Etudes anatoliennes. P. 245–251; Mitchell S. Anatolia. V. I. Oxf., 1993. P. 116; Saprykin С. Ю. Херсонесская проксения синопейцу // ВДИ. 1998. № 4. С. 63–65.

³⁸ Тюменев А. И. Херсонесские этюды. V. Херсонесские проксении // ВДИ. 1950. № 4. С. 17 сл.; Saprykin. Херсонесская проксения... С. 63 сл.

начале IV в. до н.э. взоры гераклеотов обратились к Херсонесу Таврическому и степной зоне Северо-Западного Крыма³⁹, где их интересовал прежде всего экспорт пшеницы, как и в других районах Причерноморья. Гераклейские торговцы и другие эмпоры, торговавшие при посредничестве Гераклеи, получали хлеб в обмен на продукцию в амфорной таре, чаще всего произведенную в самой Гераклее, а также и в других центрах. Это подтверждается находками клейм на гераклейских амфорах. В Западном Причерноморье наибольшее количество амфорных клейм Гераклеи приходится на Каллатис, гераклейскую колонию в Добрудже, и его окрестности: 32,97% клейм – 400–370 гг. до н.э., 39,56% – 370–290 гг. до н.э.; в Истрии эта пропорция составляет 40% и 28%, в Томах – 40 и 40%, к северу от устья Дуная – 47 и 18%. Как видим, основное количество гераклейского импорта в Добруджу и Малую Скифию поступало в первой половине IV в. до н.э.⁴⁰ На фракийском побережье к югу от Гема основной поток гераклейской продукции поступал в Бизону – 100% клейм II хронологической группы Б. Василенко – 390–325 гг. до н.э., Дебелт (Деултум) – 100% клейм – 390–325 гг. до н.э., Аполлонию Понтийскую – 83,33% клейм 370–290 гг. до н.э. Для сравнения: в Одессе гераклейский импорт в 370–290 гг. до н.э. составляет 42,42%, в Месембрии в 290–240 гг. до н.э. – 33%⁴¹. Эти цифры показывают, что в начале IV в. до н.э. гераклейских торговцев больше интересовали побережье и внутренние районы Подунавья, а также, что для нас особенно знаменательно, Аполлония Понтийская и ее ближайшие окрестности. Это прежде всего сам город и фракийское святилище в Дебелте, где было обнаружено свыше 1000 энглифических клейм Гераклеи⁴². Сюда стекалось фракийское население из многих соседних областей, а это позволяло купцам вести посредническую торговлю. Следовательно, Теон, сын Аристандра, мог прибыть в Аполлонию для посреднической торговли гераклейскими товарами как с жителями самой Аполлонии Понтийской, так и с обитавшими в ее округе фракийскими племенами. Во всяком случае, датировка его надгробия началом IV в. до н.э. и расцвет гераклейской торговли с Аполлонией и Дебелтом в первой половине этого столетия говорят в пользу именно такой версии.

Пребывание гераклейских торговцев в тех местах, где они осуществляли свои коммерческие операции, подтверждает Ксенофонт, описывая побережье к востоку от Гераклеи Понтийской. По его сведениям, на рубеже V–IV вв. до н.э. гераклейские купцы проживали в Синопе и ее эмпориях на южном побережье Черного моря, ведя активную торговлю с местным и эллинским населением и соперничая в этом с синопскими эмпорами (Хеп. Апоб. V. б., 10, 19). Аналогичным образом гераклейские торговцы, надо полагать, действовали и в других местах Причерноморья, в том числе и на побережье Фракии. Для ведения торговых дел здесь и поселился выходец из дорийской Гераклеи Теон, сын Аристандра, умерший через какое-то время в Аполлонии и нашедший последний приют в ее некрополе.

Переселение граждан из Гераклеи Понтийской в другие полисы в конце V – первой половине IV в. до н.э. диктовалось внутренними социально-экономическими причинами развития этой мегаро-беотийской апойкии. После основания Каллатиса в конце VI в. до н.э. и особенно после выведения колонии в Херсонес Таврический к власти в Гераклее пришла умеренная олигархия, экономические и политические позиции которой обуславливались союзом дорийской родовой военно-землевладельческой знати с

³⁹ Сапрыкин. Гераклея Понтийская... С. 92 сл.; Сапрыкин. *Op. cit.* P. 117–120.

⁴⁰ *Sanarache V. Importul amforelor stampilate la Istria. București, 1957. P. 193–203; Лазаров М. Распространение на хераклейските амфори и печати в Тракия // Известия на Народния музей Варна. 1980. 16(31). С. 9–11; Lungu V. Circulatia amforelor stampilate in zona Capul Dolojman // Pontica. 1992. 25. P. 77, 93; Buzoianu L. Importurile amforice la Tomis in perioada elenistică // Pontica. 1992. 25. P. 105.*

⁴¹ *Lazarov M. Amphores et timbres amphoriques d'Héraclée Pontique trouvés à Apollonie // Studia in honorem Veselini Besevliev. Sofia, 1978. P. 299–309; Лазаров. Ук. соч. С. 9–12; Сапрыкин. *Op. cit.* P. 113.*

⁴² *Lazarov. Op. cit. P. 299–309; Балабанов П. Анализ и датирование амфорных печатей Гераклеи Понтики // Thracia Pontica II. Sozopol-Jambol, 1985. P. 13; он же. Фракийское святилище возле Дебелта // Thracia Pontica III. Sofia, 1986. P. 232.*

верхушкой торгово-ремесленных слоев, наживавшейся на торговле. В результате такого альянса политические позиции в полисе и все гражданские права поделили представители землевладельческой знати и торгово-ремесленная верхушка, образовавшие так называемую «новую гераклейскую аристократию». Рядовые торговцы и ремесленники, выходцы из средних слоев, оказались лишенными основных прав и привилегий, поэтому некоторая часть населения Гераклеи вынуждена была ее покинуть и переселиться в другие места, главным образом туда, где торгово-ремесленные круги уже имели свои коммерческие интересы. Это позволяло верхушке полиса контролировать основной поток товаров в эти регионы и использовать обогатившихся там гераклеотов-эмигрантов, а последнее открывало возможность обогащаться, чего они были лишены в родном городе из-за господства торгово-землевладельческой олигархии. Одним из таких представителей средних слоев Гераклеи, выселившихся с торговыми целями за границу, видимо, был Теон, сын Аристандра, имевший коммерческие интересы в Аполлонии Понтийской. Не исключено, что через него осуществлялись поставки вина в амфорах на территорию Одрисского царства, непосредственного соседа Аполлонии.

В конце V – первой половине IV в. до н.э. в Гераклее шла ожесточенная политическая борьба за власть между демократическими и олигархическими группировками, завершившаяся установлением тиранического режима в 364 г. до н.э. В этот период увеличился поток эмигрантов из Гераклеи, переселявшихся в другие полисы, прежде всего по политическим мотивам⁴³. Часть эмигрантов осела в Афинах, другая – в Херсонесе, Каллатисе и других городах Причерноморья. Нельзя потому исключить вероятность того, что Теон мог попасть в Аполлонию Понтийскую в результате политического изгнания его самого или его родителей – противников либо олигархической, либо демократической форм правления, а может быть и тиранического режима. Во всяком случае, датировка надгробия и предполагаемой могилы Теона не противоречит ни одному из этих заключений.

Таким образом, найденное в некрополе Аполлонии надгробие гераклеота является новым важным свидетельством обширных связей Гераклеи Понтийской с Западным Причерноморьем и Фракией.

A HERACLEOTS' GRAVESTONE FROM APOLLONIA PONTICA

S.Yu. Saprykin, K. Panayotova

The article is a publication of a limestone gravestone found at the necropolis' excavation in Apollonia Pontica (now Sozopol, Bulgaria). The gravestone belonged to a Heracleot named Theon, son of Aristandros, and is dated back to the late 5th – early 4th c. BC. The authors come to the conclusion that the Heracleot named Theon could end up in Apollonia Pontica as a result of the development of trade relations between Heraclea Pontica and the Thracian coast in the 1st half of the 4th c. BC. As it seems, he belonged to a group of Heracleian merchants who were forced to leave their native city by some inner social and economic conflicts, caused by the fact that political leadership in the city had been seized by a clique of Dorian military and landowner nobility and the upper trade circles. Analyzing the Heracleot's name and patronymic, the authors conclude that his ancestors could have moved to Heraclea Pontica from Boeotia together with Megarian colonists, because in Hellas similar names are found in Thebes and Orchomenos.

⁴³ Эти вопросы подробно освещаются в работах: *Сапрыкин*. Гераклея Понтийская... С. 44 сл.; *Фролов Э.Д.* Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 216 сл.; *Bittner A.* Tyrannemord in Herakleia am Pontos // *Das Altertum*. 1991. 37. 2. S. 91–93; *Saprykin*. Op. cit. P. 42–50; *idem*. Héraclée du Pont et Chersonesos Taurique: institutions publiques et rapports fonciers // *DHA*. 1991. 17. 1. P. 106–108.